

Живет в Киеве (Украина).

Ручные бабочки

Однажды всё, во что не верили вчера мы,
соткут закатные светящиеся нити.
Такими ласковыми недовечерами
дневные бабочки становятся ручными
и сами просятся: возьмите нас, возьмите!

Они садятся нам на головы, на плечи,
но тут же вспархивают – если ты не замер.
Ты не торопишься? протягивай навстречу
ладонь и жди – как будто вечны и прочны мы,
дневные киборги с цветочными глазами.

Кому доверчиво распахивает крылья
в ладони бабочка – не то чтобы элита,
но вне деления на первые-вторые-
трёхмиллиардные… она скрывает имя?
Откроешь книгу и узнаешь: Нимфа Лида.

Смотри, смотри, её бесстыдством ошарашен!
Когда узор твоих кошмарных сновидений
вдруг предъявляется прекрасным и нестрашным,
и все мгновенные детали различимы,
невольно вздумается:
смеет ли нигде не
существовать первопрообраз? В поколеньях
столь безупречно повторение канона,
что, может, карты непредсказанных вселенных
на этих крылышках? Нет, лучше промолчим и
отпустим мысли вслед за Нимфой.
Всё равно нам
теперь томиться непроявленностью чуда,
его затерянностью в городе и доме,
плывущих мимо неба звёздного – покуда
ночные бабочки останутся ночными,
неприлетевшими на свет твоих ладоней.

* * *

Почему мне снится именно он?

Из бетонного моря дневных забот
в бухту парка причаливает балкон,
но мы медлим выбрасываться за борт,
всё тестируем – так ли смертелен ток
промежутка, стремящегося к нулю
между нами, пуская новый виток
разговора, стремящегося к «люблю»
временами, но якорной цепью ко дну
убегающего – скрываться, скрывать…
оставляющего меня одну
просыпаться в сегодняшнюю кровать.

Облегчённо вздыхаю – что без него.
Недоумеваю: так в чём соблазн?
Чем он лучше нынешнего моего,
кроме, разве что, огромности глаз?
Он, наверно, уже моложавый дед,
проклинающий время: шло бы ты вспять!

Он был старше меня на пятнадцать лет,
его сыну теперь почти двадцать пять.
От чего нас отвадила та весна,
заливаясь истериками дождей,
я напрасно выведываю во снах.
Не распробовать – никогда, нигде,
дома бабушка, а у него жена –
и опять ни единой картинки с «ню»…

А причина, вернее всего, одна –
просто я ему и поныне снюсь.

Украине

«Згинуть наші вороженьки,
Як роса на сонці…»

Из украинского государственного гимна

Обещали светлый западный путь,
гибель скорую восточным врагам.
Обещали: потерпите чуть-чуть –
и причалим к золотым берегам.
Но пока что не видать корабля –
только хор твоих знамён, как в бреду.
Только киевская – в ранах – земля,
и опять по ней кого-то ведут
совершившие законный захват –
в направлении сумы да тюрьмы…

А куда не дотянулся асфальт
и пожарищ ядовитых дымы,
три сосны плюс две берёзы спустя –
в сантиметрах подсчитать не берусь –
там земля, глядишь, иная. Хотя
тоже киевская (шёпотом: Русь).
Но весна священна, как никогда.
Но фиалковые ночи теплы.
Но стремительно мелеет вода
под классическим «Куда же нам плыть?»

Под пиратские твои паруса
я не встану. И к чужим не сбегу.
Я блеснула, как на солнце роса,
и не сгинуть я уже не смогу.
Только сгину я – в твои же – леса,

где грин-карту мне открыли волхвы.
Незаметная – без солнца – роса,
я защиты попрошу у травы.

Ты сама – свой лучший враг? – Снаряжай
новых преданных – под пули, под нож…
бронетанковый растя урожай,
может, сгинувших без боя поймёшь.
Или фейком обернётся блицкриг,
прошуршавшись в человечьем песке,
но вернётся твой спасательный крик,
прозвеневший на моём языке.